
Миллионка.
Японский
шпион
18+
Ирина Мутовчийская

Ирина Мутовчийская

Миллионка. Японский шпион

«Автор»
2025

Мутовчийская И. З.

Миллионка. Японский шпион / И. З. Мутовчийская — «Автор», 2025

У японского шпиона было задание: нужно было распылить эмбрион холеры. Продолжение книги "Миилионка". Герои попадают в тайный город Чжень и узнают... невероятные тайны. "Здания в этом городе были выполнены в характерном для Китая архитектурном стиле. Мои крылья осторожно опустили меня на землю, и я пошла туда, куда вели меня глаза и ноги.Я снова оказалась в прошлом, и снова на территории нынешнего Владивостока, только в ещё более отдалённом времени. Через некоторое время я почувствовала усталость. Мои крылья вновь подхватили меня и вознесли над землёй. На этот раз они не поднимали меня слишком высоко, и вскоре я снова оказалась на земле.Я стояла возле подземного буддийского храма. В храме было прохладно, но не холодно, и меня поразил удивительный звук хрустальной капели. Он напоминал лёгкое постукивание по тонкому стеклу, и был очень приятным. Однако вскоре у меня начала болеть голова."

© Мутовчийская И. З., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Пролог 7
Глава 1. Си 10
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Ирина Мутовчийская
Миллионка. Японский шпион

Печать князя Агуды тайный город Чжень

«Продолжение книги „Миллионка “. Действие происходит в 1909 году. Герои книги опять попадают в тайный город Чжень и узнают тайны этого города до конца.»

Нас миллион!
На Миллионке, не сыщешь видимых следов,
Полиция пусть ищет!
В китайской бабе и в ребёнке,
В хунхузе, в маленькой японке,
Есть капля этой Миллионки,
Есть кровь свободы
И законы
Не властны
Город над тобой!
Потому что, Миллионка – это город в городе!
Полицейский меня не поймал,
От него я в трущобы сбежал,
От него в подземелье спустился,
И надёжно я там схоронился!
Миллионка спит, спят ее тайны
Спят захоронки, тайники
В ночи открытия – случайны,
В ночи страдания-мелки
Пусть до утра не все дотянут,
Убили – опий, нож, Сули;
Но те, кто встанут,
Утром встанут…
Назад бы ноги довели!
Продать, купить, ловить и строить,
Украсть, толкнуть, бежать в схорон,
Что ж – это жизнь
И что-то стоит,
И этот плач, и этот стон!
Облава! Весть от дома к дому,
От уха к уху, с глаз в глаза!
Когда-то жил ты по-другому,
Пока не грянула гроза,
Пока не выбросили люди,
Тебя на камни мостовой
Пусть Миллионка домом будет,
И крыша будет, хоть какой!
Хунхузы, приставы, бандиты,
И что ж, от всех теперь бежать?
От драки в кровь костяшки сбиты,

Где б ещё опия достать?!
Как мы живём на Миллионке?
О, мы отлично здесь живём!
От патруля бежим на джонке,
Иль отобьёмся, иль умрём!
В святое, божье воскресенье,
Бредём, ползём, идём сквозь грязь
И в божьем доме на мгновенье,
К иконе хочется припасть,
Забыть про зло,
Что за порогом!
Про то, что некуда бежать,
Про то, что здесь китайцев много,
А русский редко, не сыскать,
Японцы здесь, корейцы, манзы,
Везде звучит чужая речь,
Времянки, сараюшки, фанзы,
Попробуй в памяти сберечь!
Ты уезжаешь! Выпал случай,
Вернутся в стольную Москву,
Но странно, сны так приставучи,
Зовут вернуться в край дремучий,
На Миллионку, в Бред-страну!

Пролог

С февраля по май 1909 г. во Владивостоке свирепствовала азиатская холера. Вымерло четверть населения города. Не хватало врачей и медикаментов. Положение было катастрофическим. Особенно жутко было наблюдать за теми больными, кто выжил!

Больные сбивались в стаи и бродили по улицам города. С самого момента возникновения, город имел деление на границы. Границы деления, конечно же, были условными, но они были. Были районы, где жили богатые люди, и были районы для бедноты. И, конечно же, были районы, в которых проживали люди ниже нижней черты бедности. Один из этих районов назывался «Миллионка».

Так вот, больные, переболевшие азиатской холерой, и умудрившиеся остаться в живых, районных рамок и разделений не признавали. Бродили эти выздоровевшие везде. Жители города, те, кто проживал в относительно чистой половине, боялись отходить далеко от своих домов. Как я уже говорила, пережившие холеру бродили стаями, но друг друга не знали, не замечали и не узнавали. Однако, если кто-то, замешкавшись, отделялся от толпы, один из холерных рыком подзывал потеряшку в стаю.

Стаи, потерявших память не узнавали родных и друзей. Холера называлась «Азиатской», но родилась в самом сердце Миллионки, в квартале, где царили скученность и антисанитария. Это уже потом она была завезена на юг Китая одним из заболевших. Китаец приехал на день рождения отца. Он привёз с собой подарки. Привёз все заработанные во Владивостоке деньги и… эмбрион холеры. Пробыл в родной деревне он не долго, всего три дня, но и этого хватило, чтобы заразить всю семью. Уезжая, мужчина пообещал родным приехать через полгода, однако это была их последняя встреча. Ни родных, ни остальных жителей деревни он больше никогда не увидел.

После отъезда мужчины, три близлежащие деревни, маленький городок по соседству и деревня, откуда мужчина был родом, опустели за неполные три недели. Мужчина вернулся во Владивосток. И тут же, прямо не улице, потерял сознание. До Миллионки он не дошёл лишь чуть-чуть. На улицах Миллионки болезнь уже забрала всех, кого можно забрать. Но в центральные кварталы ещё не просочилась, и вот теперь один из заболевших был помещён в госпиталь.

Мор охватил улицы города, как пожар. Холеру прозвали «Азиатской», решив, что китаец привёз ее с юга, из родной деревни, но как вы теперь знаете, все было не так. Персонал госпиталя таял на глазах, умер и врач, который лечил китайца. Умерли две медсестры.

А китаец выжил, и звали его Лю Байши. До болезни Лю жил вместе с братом на Семёновской. В комнате, кроме них, проживало ещё 13 человек.

Лю не помнил момента, когда покинул палату госпиталя.

Он кружил по городу и никак не мог вспомнить, где живёт его брат. Байши был здоров физически, чего нельзя было сказать о его разуме. Наконец, перед его глазами все померкло, но мужчина не остановился и не упал. Наоборот, его движения, кажется, стали более целенаправленными.

Сколько времени прошло с того момента, как разум его выключился, Байши не помнил. Осознал он себя лишь в сумерках. Ноги несли его в неизвестном направлении. Он не узнавал улицу, не узнавал людей, снующих вокруг. Он даже не смог узнать того, кто живёт внутри его тела. Лю не помнил своего имени. Он не помнил ничего.

Вечерело. На улицы Миллионки спускалась темень. Мужчину кто-то окликнул. К этому моменту улицы уже опустели полностью. Было довольно тепло, но туман уже вступил в свои права, и быстро-быстро драпировал грязные улицы в молочно-серый цвет.

Байши слышал чужую речь, но не понимал того, что ему говорят.

А говорили по-русски.

Перед Лю Байши стояли Григорий и друг его, Николай.

Прошло два года с момента последней встречи, но вы без труда узнаете и Гришу, и его друга Кольку. Впрочем, Кольку вы могли и забыть. Вы встречались с ним лишь один раз.

Тогда, два года назад, Колька обманул Гришу. Это был тот случай, когда Кольку несло, и он врал (или фантазировал), не останавливаясь. Результатом его вранья был поход к дому Токунаго, поиски несуществующего доктора и позорное бегство.

Вероятно, Гриша быстро простил друга-фантазёра, иначе мы бы не встретили их вдвоём.

Мальчики не очень изменились. Лишь в глазах у Гриши застыла тоска. Неделю назад Григорий и Софья простились навсегда со своей бабушкой.

Бабушка ушла спокойно. Она знала, что ее внуки теперь не пропадут.

В доме поселилась печаль. Как ни странно, но больше всех убивалась Лариса, Софья же отнеслась к смерти бабушки почти спокойно.

Перед смертью бабушка попросила Гришу кое-что пообещать. Чуть подумав, юноша дал старой женщине согласие.

Но вернёмся к вечерним улицам Миллионки, к Лю Байши и двум юношам.

Колька покосился на китайца и хотел пройти мимо, но, увидев, что Григорий пытается сдвинуть с места застывшего столбом манзу, вернулся и, брезгливо сплюнув, сказал:

– Гриня, зачем ты это делаешь? Не надо помогать этому ходе! Всех болезных все равно не спасёшь.

– Коль, ты, наверное, не понимаешь! Если его оставить на улице без помощи, то он умрёт до утра!

– Да что ему будет? Ночи в июне тёплые, не замёрзнет!

– Да. Ночи тёплые. Однако… Как тебе объяснить… В общем, я не этого боюсь! Лучше замёрзнуть насмерть, чем…

– А, так ты об этом? Слушай, темно-то как вокруг и жутко! Я… Мне… Ты прав, стемнело что-то очень быстро! Мамка уже наверное охрипла, выкликая меня! Пошёл я домой! И ты, Гриша, иди. Дядька Елистрат не любит, когда тебя дома нет долго. Ну, пошли?

– Иди, Колька. А я китайца с собой уведу. Завтра разберёмся, куда его дальше отправить.

– Да зачем он тебе сдался, нехристь этот?

– Нехристь он или нет, а все же душа живая!

– Ну, как хочешь! Я пошёл! А как ты его заставишь идти? Потащишь на себе, что ли? Он же еле-еле идёт!

– Надо будет, и потащу! Иди, Николай! Раз идёшь, то не мешай!

– Я-то уйду, а вот ты… Да брось его, и пошли домой вместе! Боязно мне что-то! Пошли, а то не успеем!

– Мне бабушка перед смертью наказала… Обещал я ей, что буду помогать всем, кому нужна моя помощь. Дядька Елистрат не погнушался мной, когда я бесновался в беспамятстве! Теперь мой черед помогать несчастным!

– Елистрат возился с тобой, потому что ты спас Лариску от япошки! Иначе стал бы он спасать тебя, жди!

– А не буду я, Колька, больше с тобой спорить! Иди. Уже совсем темно. Ведь не буду сегодня тебя провожать до дома! Мне в другую сторону!

– А ещё другом зовёшься! Променял друга на желтолицего! Брехун – брехушка!

Раздосадованный Колька, видя, что Гриша никак не реагирует на его оскорбления, схватил крупный булыжник и запустил его в Григория. Но… промахнулся.

Камень попал в Байши, но Колька этого не увидел. Он улепётывал со всех ног.

Лю залился кровью. Камень попал ему в голову. Гришка хотел броситься вослед Кольке, но тут же передумал. Байши осел на землю.

– Ну, Колька, ну гад, – запричитал юноша, – поймаю, убью! Китаец, как тебя? Ходя?! Манза?! Мужик, вставай уже! Идти нам надо! В это время нельзя оставаться на улице! Надо бежать домой! Вот, обопрись на меня! Да переставляй ноги! Надо успеть!

Но они не успевали! По подсчётам Гриши, до страшного часа оставалось совсем мало. Минут пятнадцать. И Грише пришлось поменять планы.

Гриша решил, что надо идти к трущобам. Дойти до трущоб они успели.

В трущобах было тихо, прохладно и спокойно. Когда страшные звуки заполнили ночные улицы Миллионки, Григорий и Лю Байши были уже далеко под землёй.

Глава 1. Си

Си, Анастасия, очень скучала по друзьям, ведь прошло уже два года с момента расставания. Для тех, кто не читал книгу «Миллионка» или подзабыл события этой книги – напоминаю: Си (Анастасия) – кореянка-полукровка. Отец девочки – русский, мать – кореянка. Книга заканчивается тем, что Си вынуждена бежать из города, в котором родилась. Си преследуют хунхузы. Хунхузы – это китайские бандиты, которые не знают жалости ни к чужим, ни к своим. Что китаец, что русский, что кореец – для них значения не имеет. Отец для хунхузов – грабёж, мать – нажива.

Жалости или снисхождения от краснобородых (хунхузов) ждать было бесполезно.

Хунхузы были твёрдо намерены поймать Си и вытрясти из неё информацию. И вот летом 1907 года Си вместе с проводником и другом Павлом была вынуждена тайными тропами уйти в Китай.

Итак, прошло два года. Си устала от одиночества, и все время думала о друзьях. Особенно скучала она о Енеко, японской подружке с непростым характером.

Семья китайцев, приютившая Си, была странной. У них все время что-то происходило. Впрочем, девочка уже давно ничему не удивлялась. В этой семье все, так или иначе, были связаны с контрабандой. Вряд ли госпожа Петухова, мать Сяй-линь, знала о том, чем занимаются в действительности друзья, к которым она отправила Си.

Девочку никто просто так кормить и содержать не собирался. Анастасия это отлично понимала. На следующий же день, после того, как Павел отправился назад, во Владивосток, она начала работать. Павел пообещал приносить весточки от друзей. За два года Си встречалась с другом всего шесть раз и была более-менее в курсе тех событий, которые происходили в ее городе.

Работа у девочки была простой, но бесконечной. Она сучила и плела верёвки, которыми потом обвязывали контрабандный товар. Рабочий день Си заканчивался в 12 ночи, а начинался в 4 часа утра. Выходных не было. Отдыхали только на обще китайские праздники. Кормили скудно, но так питались все в семье. Си никто не обижал. Но даже такая скудная пища была более обильной, чем та, которой девочка питалась дома.

Однако Си была готова голодать и не спать вообще, лишь бы была возможность вернуться в родной город. Но пока такой возможности не было. Да и Павел куда-то запропастился. Давно вышел срок, о котором сговаривались, а Павла все не было.

А ещё девочка все время думала о книге, которую нашла в подземном городе. О своей книге! Книга звала ее. Книга разговаривала с Си по ночам. Книга продолжала открывать свои тайны и делилась знаниями. Обычно это происходило во сне.

Девочка, не окончившая ни одного класса церковно-приходской школы (не говоря уже об обыкновенной), знала теперь очень много. Так много, что если бы кому-то понадобилось записать все, что знает Анастасия, то одной библиотеки для этих книг не хватило бы. Не хватило бы и трёх и даже шести.

Си скучала по русской речи. Семья контрабандистов не держала в своём домике ни книг, ни газет. Нет, впрочем, одна книга все-таки была, называлась она «Книга перемен». По этой книге гадали. Пытались узнать значение снов. Пытались узнать будущее. Что ждёт, и чем дело закончится. По этой книге учили детей.

В посёлке, где жила Анастасия, было много иностранных представительств. Было и русское представительство. Однако Си не торопилась встречаться с соотечественниками. Никакой вины за собой девочка не чувствовала, однако, на всякий случай, лишний раз в центр посёлка не ходила.

За два прошедших года Си подросла. Стала ещё выше, и ей теперь было трудно затеряться среди толпы. От долгого сидения за работой и боязни быть узнанной, девочка стала сутулиться.

«Посёлок флагов» – место, где жила Настя, имел ещё одно название. На русском языке оно звучало так: «Станция Пограничная».

До постройки КВЖД на территории станции Пограничной было лишь несколько крохотных сел. К тому моменту, когда железная дорога, КВЖД, заработала в полную силу, «Посёлок флагов» превратился в место, где жизнь била ключом. Здесь даже была русская церковь и русско-китайская школа.

Церковь Си посетила лишь один раз и была покорена обходительным батюшкой. Не в пример батюшке Феофану, суровому и неулыбчивому, батюшка Варфоломей был разговорчивым, ласковым и… очень любопытным.

Девочка уже хотела (ах, как хотела!) рассказать доброму батюшке все-все, всю историю своей грустной жизни, но в последний момент отчего-то оробела и смешалась. Интуиция, которая в трущобах Миллионки не раз спасала голодную девочку, не подвела ее и сейчас.

Батюшка Варфоломей не был на службе у хунхузов – упаси боже! Шпионом хунхузов был старший брат китайца Васьки. Васька прислуживал за столом во время трапез четы Верховцевых. Такую фамилию в миру носили батюшка Варфоломей и матушка Серафима.

Уплетая за обе щеки борщ и щуку в сметане, батюшка с упоением рассказывал о странной девочке, которая живёт в чужой китайской семье и не ходит в школу. Девочка русская, но живёт здесь, в этом посёлке авантюристов, без папы и мамы. Матушка Серафима поохала и спросила, как зовут девочку. Батюшка назвал себя старым дураком и признался, что забыл спросить имя девочки.

Матушка Серафима попеняла мужу за его чёрствость и невнимательность. Батюшка со вздохом согласился, и дал клятвенное обещание расспросить девочку обо всем поподробнее, когда она придёт на исповедь.

Но девочка больше не пришла. Это огорчило не только батюшку с матушкой, но и старшего брата китайца Васьки.

Уж очень хотелось ему отличиться перед хунхузами. Не надеясь ни на что, он все же отослал донос тому из хунхузов, который отвечал за сбор дани в «Посёлке Флагов».

Ответ пришёл неожиданно быстро, и содержал приказ: «Найти девочку, следить за ней, но больше ничего не предпринимать».

Старший брат приуныл! Где же искать эту девочку? Посёлок разрастался на глазах. Маньчжуры, ханьцы, корейцы, предприимчивые русские – вся эта туча народа неожиданно хлынула на станцию «Пограничная». И чем дальше, тем больше. Вместе с родителями приезжали и дети, и среди них, конечно, было много девочек.

Правда, положение Си было действительно уникальным – все дети были как дети, и лишь Анастасия приехала одна, в такую даль, и без родителей.

Старшего брата китайца Васьки звали Ванек, таким именем нарекли его русские хозяева. Настоящего его имени (китайского) я произносить здесь не буду. Впоследствии Ванек стал одним из главарей шайки хунхузов, и его имя до сих пор произносится простыми китайцами со страхом.

Итак, Ванек стал искать девочку.

Мимо школы Си проходила много раз, но зайти так и не решилась. Да и что она могла сказать директору школы и учителям? Возьмите меня, великовозрастное чадо, к себе учиться? По-русски я читаю по слогам, зато в совершенстве знаю алфавит чжурчжэней, бохайцев и шуби! А ещё я знаю несколько десятков мёртвых языков.

Языков тех государств, от которых теперь не осталось даже горсточки пыли. И названия этих государств остались только в книге.

Си в который раз прошла мимо здания школы. Было обеденное время. Дети, которые учились в школе, с гомоном высыпали на улицу. Русские дети возвращались домой сами, пешком, китайских детей ждали пролётки и рикши. Родители переминались возле ворот школы, не смея войти внутрь и поторопить неповоротливое дитя.

У Анастасии было несколько свободных часов. Раз в неделю товар увозили в Россию. Естественно, до этого шла подготовка. Большая подготовка. Нужно было тщательно упаковать товар, подготовить коридоры для его перемещения. Перемещения безопасного. Найти людей, которые согласились бы сопровождать товар. Люди должны были быть честными, предприимчивыми и отчаянно смелыми. Товар отправлялся по воде и по суше. За каждую партию отдавался процент хунхузам. И не важно, доходила ли партия контрабанды до того места, где груз ждали, или в пути с контрабандой что-то происходило – хунхузы все равно требовали свой процент.

Так вот, раз в неделю, в момент отправки контрабанды, Си отправляли гулять и велели не возвращаться часа два-три. Китайцу-хозяину совсем не улыбалось, чтобы Настя видела, что именно упаковывают в тюки. А также нежелательно было, чтобы девочка видела того, кто будет сопровождать товар через границу. Конечно, хозяин доверял Си, иначе отправил бы ее назад, во Владивосток, ещё в первую же неделю. Но все-таки… Бережённого Бог бережёт! Эта поговорка, естественно, переделанная на китайский лад, была достаточно популярной на станции Пограничной.

Си была не против отдыха. Она уходила как можно дальше от дома, где жили контрабандисты, и наслаждалась свободой на всю катушку. Дома, во Владивостоке, лето только вступало в свои права, здесь же, в Посёлке Флагов, было уже жарко. Си уходила к реке и долго смотрела на воду, которая текла и текла, не останавливаясь ни на секунду.

Несколько часов отдыха выдавались ещё в конце недели. В этот момент все взгляды домочадцев были направлены в сторону детей. В конце недели приходил учитель. Дети контрабандиста, а их было шестеро, три мальчика и три девочки, в общей школе не учились.

Учитель заставлял детей учить текст «Книги перемен». Текст был сложный, дети не понимали его. Однако отец объяснил детям, что понимать ничего и не надо. Надо просто учить наизусть. Понимание придёт позже. Этот учитель был уже третий по счету. Двоих предыдущих рассчитали за то, что те были к детям слишком лояльны.

Нынешний учитель был зверем. Особенно доставалось от него старшему мальчику. У мальчика была родовая травма, и учение давалось ему с трудом. Однако отец никаких скидок и поблажек ему не давал. Мальчик очень боялся учителя. Наказание следовало за наказанием. Отец был доволен учителем. Остальные дети, все пятеро, в результате дрессировки уже могли рассказать наизусть почти половину книги. Старший мальчик дрессировке не поддавался.

Настя думала, что на время занятий ее будут отпускать. Не тут-то было. Хозяин предложил на выбор два варианта: или учиться вместе с детьми, или продолжать работу, взяв на себя нагрузку старшего мальчика.

Естественно, что Си выбрала учёбу. Китайский алфавит девочка знала в совершенстве. Книга дала ей эти знания ещё во Владивостоке. Конечно, тот алфавит, которым владела книга, уже немного устарел, однако девочка быстро разобралась в современном алфавите. Благо, основа была!

Си работала вместе с детьми. Работа, которой занимались дети, была монотонной. Каждый из детей чётко знал свои обязанности и не пытался отлынивать от той нормы, которую с вечера назначал отец.

Старшего брата звали Юйлун – яшмовый дракон. Видя, как мальчик боится конца недели и прихода учителя, Настя решила ему помочь. Девочка запоминала то, что объяснял учитель, с первого раза. Так же обстояло дело и с заучиванием «Книги перемен».

Во время бесконечных и монотонных манипуляций с материалом, из которого изготавливались верёвки, Си тихонечко повторяла с Юйлуном то, что было задано на последнем уроке. С шестого раза мальчик начал что-то запоминать. После двенадцатого повтора мальчик знал весь текст наизусть. Остальные дети не вникали в то, о чем говорит старший брат с пришлой девочкой. Юйлун может и был не особенно умным, но зато был самым сильным из детей.

По праву старшего брата мальчик мог бы работать поменьше, но он, наоборот, умудрялся выполнить не только свою норму, но ещё и помочь младшим. И, несмотря на это, дети все равно еле-еле успевали выполнить свою работу. Естественно, что маленьким работникам было не до досужих разговоров.

Семья господина Чжана – отца детей и хозяина Си, приехала в посёлок Флагов из Шаньдуна. Были какие-то сложные семейные обстоятельства, из-за которых господин Чжан покинул родной город и примкнул к славному клану контрабандистов.

Ванек рыл носом землю. У него, конечно, ещё не было собственных шпионов. Статус был не тот! Да, и, если говорить по-русски, рылом он ещё не вышел, но все же отследить тех, кто приехал из России, было ему не сложно. В Китае, где каждый каждому брат, сват и родственник, где родственные связи очень ветвисты и страшно запутаны, можно даже не посвящать в суть проблемы, а просто попросить по-родственному и тебе помогут. Проследят, подскажут, да ещё и по-родственному объяснят, как лучше подойти к решению проблемы. Си спасло только то, что она приехала не накануне и не год назад. С момента приезда прошло целых два года. Однако положение Анастасии было по-прежнему шатким. Ситуация была уникальной и со дня на день можно было ждать разоблачения. Тем более что господин Чжан был накрепко связан с хунхузами. Даже удивительно, что до сих пор Настю не нашли. Наверно сработала старая народная мудрость, если хочешь что-то хорошо спрятать, спрячь на видном месте. Вероятно, хунхузам просто не могло прийти в голову, что Си живёт в семье у известного контрабандиста.

В тот день девочке нездоровилось. Кружилась голова, ломило в висках и. очень хотелось пить! Юйлун замучился носить Насте кружку за кружкой. Жажда не отступала. Наконец Юйлун решил, что кружками дело не обойдётся и принёс… ведро воды. Однако, когда было выпито и ведро, и начали шептаться младшие дети, Юйлун встревожился.

– Госпожа Си, с вами все в порядке?

– Юйлун, – вдруг пропела Си, – я, боже мой! Мой голос вернулся!

– Госпожа Си…

– Юйлун, перестань называть меня госпожой! Не дай бог услышит твой отец, или, ещё того хуже, мать!

Одной из причин того, что Си до сих пор не нашли, было то, что накануне бегства у Си пропал голос, однако хунхузы не знали этого. По городам и весям, вернее по приграничным городкам, был разослан словесный портрет девочки, и одной из главных примет был ее прекрасный голос. В устных и письменных оперативках, было указано и подчёркнуто двумя линиями: Та, которую везде разыскивают, не говорит, как все нормальные люди, а поёт.

– Шаман киданей вернул мой голос, боже мой, я же теперь смогу… Петь! Ах, Юйлун, если бы ты знал, как я пела! Нет, если бы ты знал, как я пою! А хочешь, Юйлун, я сейчас тебе спою? Ты не думай, я не разучилась за два года…

– Госпожа, госпожа, успокойтесь, – юноша встревожено оглянулся на сбившихся в стадо братьев и сестёр, – госп… Си, вам плохо?

– Нет, что ты, мне хорошо! Так хорошо, что… – девочка замолчала, а потом вернулась к тому голосу, которым говорила все эти два тяжёлых года, – что с детьми? Почему они так смотрят на меня?

– Братья с сёстрами просто испугались, – успокаивающе проговорил Юйлун

– Надеюсь, не меня, – засмеялась Си, – Сюли, сестрёнка, ты что, испугалась?

– Ты так резко изменилась, – осторожно прошептала сестра Юйлуна. Она была старшей среди сестёр и обожала старшего брата. – Я никогда не видела тебя такой счастливой и возбуждённой. За эти два года я и голос то твой почти не слышала!

– А зачем вам был мой голос, если мои рисунки с вами говорили?

Потеряв голос, Си обрела другой дар. Она научилась рисовать. Красок у девочки не было. Да они были ей и не нужны. Она рисовала тем, что попадалось под руку. Стеблями растений, комками земли, камнями – в общем, всем, чем можно рисовать. Даже не дотронувшись до предмета, а лишь держа ладонь в нескольких сантиметрах над ним, девочка уже знала, годится предмет для того, чтобы им рисовать, и какой цвет получится. В короткие перерывы она рисовала детям иллюстрации к сказкам. Сами сказки обычно рассказывались, перед тем как заснуть. Дети спали все вместе. Там, в Шаньдуне, у каждого ребёнка была своя спальня, здесь же было не до того. Сказка перед сном рассказывалась не больше пятидесяти минут. Рисунков к сказке было много. За домом был небольшой сад. В саду было крохотное озеро, кривой горбатый мостик, домик-беседка. А ещё там был камень. Согласно учению Фэн-шуй, в любом, даже совсем маленьком саду, должны присутствовать такие элементы как: металл, камень, земля, дерево, вода. Камни для садов были в большом почёте и много стоили. Один император так увлекся, добывая камни, и платя за них бешеные деньги, что даже разорился. Камень был и в саду господина Чжана. Покидая в спешном порядке родину предков, господин Чжан не успел взять с собой много ценных вещей, однако камень он привёз с собой. Си рисовала на камне. Когда поверхность камня была вся зарисована, Настя подзывала детей. Коротко объяснив им, к какому моменту из сказки нарисована иллюстрация, Си давала детям несколько секунд полюбоваться, а потом дети бежали с ведёрком к озеру. Рисунок смывался. Камень сох. Анастасия раскладывала краски из природных материалов, и просила детей отвернуться. Дети отходили к воде и отворачивались, а Си несколькими штрихами начинала создавать иллюстрацию к следующей сказке. Рисунок был готов, дети поворачивались. И все повторялось сначала. Смыв очередной рисунок, дети со вздохом отправлялись в тёмное помещение подвала, где проходили их рабочие дни и ночи.

Единственного человека, которого Си боялась, была жена господина Чжана-Мейли. Имя Мейли переводилось как прекрасная слива. В юности Мейли действительно была прекрасна. Хороша она была и сейчас. Не было в лице госпожи Чжан только одного, выражения безмятежности и покоя. Мейли была всегда во взвинченном состоянии. Ей казалось, что ее супруг больше не ценит и не любит. Днём и ночью Мейли думала о том, что теперь ее муж будет часто посещать весёлый квартал, и вскоре принесёт в дом дурную болезнь или приведёт новую жену. И вот наставал день, когда в доме поднимался крик. Никакие увещевания и уговоры не действовали. Выли служанки, разбегались слуги, младшие дети жались к Юйлуну и не высовывались из подвала, даже во время короткого перерыва. В дом созывались подруги Мейли, и спектакль набирал силу. Из любого уголка дома было слышно, как рыдает и причитает Мейли, как сокрушаются и утешают Мейли подруги. Господин Чжан в такие дни из дома не выходил. После того, как уходили подруги, в дом собирались родственники. Родственников было мало, всего около тридцати человек. Основная часть родственников осталась в Шаньдуне. Здесь, в посёлке Пограничном, проживала лишь дальняя родня. В основном это были приезжие. Кто-то потянулся за семьёй Чжан, кто-то приехал раньше.

Кто-то жил здесь раньше, ещё до того, как маленькая китайская деревушка превратилась в станцию Пограничную. Напряжение в семье начинало нарастать по мере того как луна входила в свою полную фазу. Наступало полнолуние, и Мейли переставала спать. И день и ночь весь дом стоял на ушах. Не спала хозяйка – не спали слуги, утром все бродили по дому злые и не выспавшиеся. То там, то здесь вспыхивали ссоры и драки. Несколько раз Си ловила на себе подозрительный взгляд Мейли. Не понимая, чтобы это значило, Анастасия на всякий случай старалась появляться в доме как можно реже. Четверть чашки риса и кусочек рыбы – обыч-

ная пища девочки, начали застревать в горле у Насти под холодным и немигающим взглядом хозяйки. У Си была развита интуиция, поэтому целый месяц она просила Юйлуна носить ей еду отдельно. Обычно она ждала его в крошечном садике на берегу маленького озера. Но случилось так, что однажды интуиция подвела девочку. Начались дожди, и Си решила вернуться в дом. Неделю все было тихо, и девочка спокойно обедала вместе со всеми детьми. Однако скоро тишине и покою пришёл конец. Дети уже доедали свой рис, когда в комнату, где находились Си и дети, вбежала Мейли.

– Дети, где ваш отец? – закричала с порога разгневанная мать, – где этот человек, который лишил меня всего? Несчастная я, – женщина распалялась все больше и больше! Вдруг вцепившись себе в волосы, она истерически зарыдала, – ни матери, ни отца, на чужбине! Ни поплакать, ни пожаловаться! Юйлун, где твой отец, – вдруг совершенно спокойно спросила Мейли, – опять у певичек?

– Мама, ну что вы говорите? – попытался успокоить расстроенную женщину сын, – Отец же предупреждал вас, что у него встреча с поставщиками! И…

– Знаю я его встречи, – Мейли вроде уже начала успокаиваться, но вдруг ее взгляд упал на Си, – а, впрочем, сыночек, ты наверно прав, он, вероятно, действительно занят делом.

Дети вздохнули облегчённо, решив, что сегодня им боятся нечего, и гроза миновала, однако это было только начало

– Да знаю я все, – вдруг снова закричала госпожа Чжан, – зачем ему певички и весёлые дома, если завелась у нас в доме собственная певичка, – Мейли в упор уставилась на Настю, – что, разоблачила я вас? Вы все, все, в заговоре со своим проклятым отцом! – увидев, что мать указывает на них, дети отшатнулись. Самые маленькие начали плакать. – Уже забыли, кто мучился, рожая вас? Неблагодарные! Но тебе, – Мейли подошла почти вплотную к Насте, – все равно второй женой не бывать! Не позволю!

Рыдая во весь голос, госпожа Чжан выскочила на улицу. Вскоре все соседи были оповещены о том, что господин Чжан выжил из ума и решил на старости лет завести вторую жену – безродную сироту. Крик стоял на весь двор и был слышен очень далеко.

После ухода Мейли в комнате повисла тишина, наконец Сюли попыталась успокоить Си.

– Сестрёнка Си, не надо обращать внимание! Через два дня полнолуние закончится, и мама успокоится! Вот увидишь, она даже извинится перед тобой! Она всегда извиняется, когда обижает слуг. Ой! – Сюли хлопнула себя по губам, – Прости! Я не то сказала!

– Конечно, ты сказала не то, сестрёнка Сюли. Си не служанка! Си-гостья! – оттеснив Сюли, проговорил Юйлун

– Нет, ничего, все в порядке, – оглянувшись на оробевших детей, шёпотом проговорила Си, – я не обижаюсь. Дома, во Владивостоке, я ещё и не такое в свой адрес слышала. Ваша мама больна, вам нужно настоять, чтобы отец вызвал врача!

– Он не станет звать врача, – угрюмо покосившись в сторону кабинета, где работал отец, ответил Юйлун, – врач стоит денег. А что с вашим голосом? Он стал таким низким, вы говорите почти басом, как мужчина!

– Не обращайте внимания! Это пройдёт. И.. Наверное, пойдёмте уже в цех, иначе не успеем сделать норму!

Юйлун вышел первым, замыкала колонну Настя.

В отличие от других дней, которые пролетали мгновенно, этот день тянулся мучительно долго. Анастасию бросало то в жар, то в холод. Однако она не жаловалась. Меньше всего, после утренней заварушки, ей хотелось привлекать к себе внимание. Тем более что голос у девочки пропал совсем, и с ребятами она теперь обменивалась жестами или записками. Вечер прошёл тихо. Лишь из хозяйской спальни доносились приглушенные обрывки разговоров. Мейли говорила на повышенных тонах, но в истерику не впадала. Это было счастьем для домочадцев. Полнолуние заканчивалось. Си спала тревожно. Однако не земные дела тревожили ее,

ей снился спуск в катакомбы, снился указатель в виде головы птицы. Она видела Сяй-линь, китайскую подружку, которая пыталась пройти к тайному городу, но дорогу ей преграждала стена. Во сне Си стояла около Сяй-линь, и выслушивала жалобы подруги. Она даже попыталась как-то просочиться сквозь стену, но конечно у неё ничего не получилось. Проснулась девочка от собственного стона. У неё был жар. К счастью, сегодня был день вывоза контрабанды. Значит, несколько часов работы не будет. Настя одевалась долго, озноб так сотрясал ее тело, что она не могла попасть в рукава кофты. Сюли что-то спросила, однако Си приложила палец ко рту и отрицательно покачала головой. Меньше всего девочка хотела, чтобы проснулись все дети и забросали ее вопросами. Было очень рано, однако улицы посёлка не были пусты. Разносчики воды, сборщики мусора и прочий рабочий люд, уже приступили к своей работе. Пройдя несколько метров, Си пожалела, что не осталась в доме господина Чжана, ведь можно было спрятаться в домике-беседке. Однако госпожа Чжан отлично знала все места, где прятались дети. Она могла нагрянуть и попытаться снова усовестить Си. Чуть передохнув, девочка решила, что все же дойдёт до того места, где всегда отдыхала в Дни Вывоза. Как и ожидала Настя, берега реки были пустынны. К тому моменту, когда девочка дошла, солнце стояло уже довольно высоко.

Начало припекать. Настя согрелась и расслабилась. Вода текла, глаза закрывались, однако через час нужно было собираться в обратный путь. К сожалению, День Вывоза не был выходным днём, после обеда нужно было снова приступать к работе. Чтобы заставить себя очнуться, Си погрузила руки в воду, но эффект оказался неожиданным. Сквозь воду девочка увидела гигантские жернова и ступки. Огромное подземное хранилище было заполнено длинными, размером с телегу, мешками, жерновами, ступками, а также ажурными стеклянными подставками. Помещение было мрачным, каменным, холодным и огромным, и подставки никак не вписывались в обстановку. Подставки-пюпитры были не из стекла, как вначале показалось Си, а из хрусталя. Ножки у подставок были железными, но оканчивались хрустальными лапками с коготками. На каждой подставке была книга. Подставок-пюпитров было восемь. Анастасия жадно потянулась к одной из книг. И тут же оказалась в речных глубинах, в помещении, которое увидела сквозь воду. Книга послушно открылась на титульном листе. Из слов, написанных на знакомом алфавите, девочка узнала, что она находится сейчас под впадиной Баоань. Впадина находилась на северо-востоке от посёлка Цзяньсинь. А посёлок Цзяньсинь был где-то… Где-то недалеко от станции Пограничной. Сначала девочка решила, что попала на какой-то склад. Даже запах здесь стоял примерно такой же, что и на складах господина Чжана. Однако чуть позже, осмотревшись повнимательнее, Си пришла к выводу, что место, где она очутилась, на склад все же не очень похоже. Во-первых, здесь был идеальный порядок. Приглядевшись, Настя увидела, что ступки вытянуты в одну линию. Они выстроились как солдаты на параде. Между ступками было одинаковое расстояние. Ступок было около 200 штук, рядом со ступками лежали жернова. Хрустальные подставки разрывали ряды ступок и жерновов. Девочка никак не могла взять в толк, что же все это означает? Нет, со ступками и жерновами было все ясно, что-то похожее она видела у местных жителей. Ступки и жернова были созданы, чтобы что-то перемалывать. Например, зерна в муку. Только вот зачем эти изделия из камня находятся здесь и почему их так много?

Вдруг, как будто услышав немой вопрос Насти, все книги одновременно раскрылись. Си услышала шелест страниц и отпрыгнула. Анастасии не было страшно и отпрыгнула она просто… на всякий случай.

После того, как книги раскрылись, повисла тишина. Постояв несколько секунд неподвижно и убедившись, что больше никаких действий книги предпринимать не собираются, девочка подошла к первой книге, той, которая и позвала ее. Девочке не надо было долго вчитываться, чтобы понять, что написано на странице. Чуть поразмыслив, она подошла ко второму столику, но и во второй книге текст был открыт на той же странице. Третья, четвертая,

пятая книга-весь текст был идентичным. Настя понимала, что книгам что-то надо от неё. Что-то должно произойти, если она вставит ключ… «Какой ключ? – вдруг перебила сама себя девочка, – о чем я сейчас думала?»

Однако момент был упущен, и Си никак не могла вспомнить, что предшествовало мыслям о ключе.

Снова стало знобить, к головной боли добавился страх. Ей стало вдруг жутко, она подумала о том, под каким слоем воды и земли сейчас находится!

Все кончилось так же внезапно, как и началось. Анастасия снова стояла около воды. Вода ласково журчала, вихрясь и булькая вокруг ног. Си села прямо на траву, которой был густо устлан берег. В ушах стоял звук биения крови.

Когда Си вернулась домой, то есть в дом господина Чжана, первая кто ей встретился, была Яньлинь, младшая из сестёр.

– Сестрица Си, где ты была? Мы тебя по всему дому ищем! Возле озера искали, в беседке искали, возле камня искали, а ещё искали…

Яньлинь – ласточкин лес, была самой непоседливой сестрой, самой младшей сестрой и самой любимой. Все, что не прощалось старшим сёстрам, с лёгкостью прощалось Яньлинь. Яньлинь была младшей из сестёр, но не самой младшей в семье. После Яньлинь у Мейли родились ещё два сына, Хэпин – мирный и Юншен – вечно живой.

Итак, чтобы лучше разобраться в отношениях Насти с детьми семьи Чжан, лучше перечислить их по именам и по старшинству.

Мейли отдали замуж в 15 лет. Когда ей было 16 лет, родился Юйлун.

Через год родилась Сюли, за ней Юнхуа – вечно цветущая. Самой младшей из сестёр, о ней я уже говорила, была Яньлинь. Хепин и Юншен были погодками.

– Я была у реки, а что случилось, малышка?

– Пришёл большой мальчик, тот, русский, который иногда навещает тебя! Он очень торопился и просил найти тебя! Мы с ног сбились, но тебя нигде не было!

– Павел приходил?

– Да, он.

– А где он сейчас?

– Не знаю, куда-то ушел!

– Яньлинь, подожди, не убегай! Он что-то говорил перед уходом?

– Да, сказал, что вернётся вечером! Ну все, я могу идти? Ты все спросила?

– Да, Яньлинь, иди сестрёнка!

– А я тебе что-то не сказала! Я не сказала тебе! – Яньлинь вернулась и, сунув в руку Си цветок, который только что сорвала в саду, отбежала на несколько шагов.

– И что же ты мне не сказала, маленькая Яньлинь? Может, сейчас расскажешь?

– Расскажу, если пообещаешь сочинить сказку!

– Я и так каждый вечер сочиняю сказки!

– Нет, пообещай рассказать ту, которую я попрошу!

– Хорошо, обещаю, – засмеялась Настя, – а теперь говори!

– Твой друг сказал, что может вечером не явиться. На этот случай он оставил у Юйлуна записку для тебя!

– Юйлун, – прошептала Си, передавая очередную верёвку, – где записка, которую передал Павел?

– Я спрятал ее в спальне. Когда закончим работу, я ее отдам.

– Хорошо. Я надеюсь, что все же увижусь с другом!

– Да, тебе обязательно надо с ним поговорить, что-то с ним случилось, но…

– Что случилось? Юйлун, не скрывай от меня! Что-то произошло с моими друзьями?

– Ты не дала мне договорить, если что-то и случилось, то Павел мне об этом не расскажет. Нужно тебе самой поговорить с ним.

– Да, я очень хочу поговорить с ним, надеюсь, у него хватит времени, чтобы забежать ко мне.

Весь день Настя была как на иголках, но Павел не пришёл.

Ночью, после обещанной сказки, когда все заснули, ей, наконец, удалось прочитать записку.

«Си, пишу второпях, хотелось увидеть тебя, но хозяйский сын сказал, что ты ещё засветло ушла неизвестно куда и тебя не могут найти.

Мне очень надо с тобой увидеться, однако время поджимает. Ну, бог даст, свидимся, а пока запомни вот что: тебя по-прежнему разыскивают. Причём все эти два года поиски шли вяло, но сейчас что-то произошло, и поиски возобновились с небывалой силой. Не спрашивай, откуда я все это знаю. Никому не говори о том, что можешь петь. Разыскивают девочку, которая во время разговора поёт. Не ругай меня за то, что давно не навещал тебя. Со мной происходят странные вещи. Что-то произошло в тот момент, когда я решил, что меня зовут не Павел, а Меньи, и я прихожусь сыном императору Да Цзочжуну. Ты ужаснёшься, увидев меня. Я стал тощим и нервным. Пища не лезет мне в горло и мне становится плохо, когда я долго нахожусь на солнце. Теперь все мои дни и ночи проходят в подземелье. На поверхность я выхожу только в крайнем случае. Здесь, в посёлке Пограничном, у меня есть несколько друзей. Я отсижусь в подвале у одного из них, а вечером, когда сядет солнце, постараюсь навестить тебя. Но есть обстоятельства, которые мне могут помешать увидеть тебя, и тогда я не приду. Да, чуть не забыл, твоя мама сейчас находится в посёлке Хунчун. Это недалеко от того места, где ты сейчас живёшь. Правда, насколько я знаю, это уже другая провинция. В этом посёлке проживает много корейцев. Как мы и договаривались, твоя двоюродная сестра, та, которая живёт в Корейской слободе, время от времени приносит мне весточки от твоей мамы. Теперь ты знаешь, что мама живёт где-то недалеко от тебя, может это как-то скрасит твою жизнь на чужбине.

Не расстраивайся, если не увидишь меня сегодня. Мне нужно будет снова появиться здесь, в Пограничном, через полторы недели. И мы обязательно встретимся! Твой друг, Павел.»

Павел так и не пришёл. Прошло полторы недели и ещё полторы, но Павла все не было. А тем временем жизнь бежала вперёд, посёлок Флагов жил по своим законам и правилам. Очень часто в посёлке вскипала волна паники. Причины были разные, и смешные и страшные. Досужих домыслов было огромное количество. Пошёл слух, что одна из веток КВЖД будет проложена прямо по посёлку Флагов, и русские заполонят город. Все будет как в Харбине. Слух стих, естественно, не подтвердившись ничем. Несколько раз кто-то пускал слух, что к границе двигается регулярная армия, будут вылавливать хунхузов. Коммерсанты, регулярно облагаемые данью, приободрились, но слух оказался лишь слухом

Приближался праздник Драконьих лодок. Настя была не очень сведуща в китайских праздниках, она и в корейских то была не очень сильна. Зато про русские праздники девочка знала все или почти все. Долгими зимними вечерами, когда делать было нечего, отец вспоминал всю свою жизнь. А как вы помните, в его жизни не последнее место занимали развлечения и праздники. Рождество, Новый год, Масленица, Пасха, да мало ли праздников есть на Руси! О каждом из праздников отец рассказывал с придыханием и в красках. Бабушка Май тоже пыталась как-то просвещать девочку, но память у старушки была уже не та, да и обстановка не очень располагала. Стишки, песни, изречения народной мудрости – это да, всем этим бабушка делилась с внучкой с удовольствием. Борьба с заиканием шла по всем фронтам. И ведь победили же! Корейский эпос Си знала неплохо. А вот праздники, тем более, китайские, нет, не знала. Кое-что она, конечно, видела во Владивостоке. Праздник лодок тоже видела, но вдали от родины предков кое-что в празднике было утрачено. Одна из сестёр семьи Чжан, Юнхуа,

рассказала Анастасии кое-что о празднике лодок. История праздника такова: жил в Китае талантливый поэт, звали его Цюй Юань. Цюй Юань писал красивые стихи, а ещё у него была официальная работа, он работал министром при дворе царства Чу. Кажется, что ещё надо, добился многого в жизни, ну и почивай на лаврах. Так нет же, был Цюй Юань неравнодушным человеком. Царство Чу, казалось лакомым кусочком для империи Цинь. Империя Цинь была не прочь проглотить этот кусочек. Цюй Юань понимал к чему шло дело и активно выступал против того, чтобы Цинь тянула свои загребущие руки к царству Чу. Однако правитель Чу, не только не захотел прислушаться к словам Цюй Юаня, но ещё выслал его из города. То, чего так боялся Цюй Юань, произошло довольно скоро. Царство Чу было захвачено империей Цинь. Вне себя от горя, стеная и плача, бросился мятежный поэт в реку и утонул. Произошло это трагическое событие пятого дня, пятого лунного месяца. Друзья и почитатели поэта долго искали Цюй Юаня. Они избороздили на лодках всю реку, но все было тщетно, Цюй Юаня так и не нашли. Прошло некоторое время, как вдруг однажды ночью к друзьям явился дух поэта. Дух поведал странную историю. Оказывается, поиски друзей были столь безуспешны, потому что тело Цюй Юаня забрал речной дракон. Просьба духа была столь же необычна, как и сам рассказ. Чтобы отпугнуть дракона, нужно было воды реки подкормить и угостить. Угощением должен был служить варёный рис завёрнутый в шёлковый треугольный мешочек. Друзья выполнили просьбу духа. Так и повелось, и теперь каждый пятый день пятого лунного месяца по всему Китаю празднуется праздник драконьих лодок. Едят клейкий рис завёрнутый, правда, в тростниковый лист. А ещё проводятся соревнования лодок-драконов. Нос каждой лодки увенчан изображением дракона, и гребцы начинают готовиться за месяц до начала праздника. Праздник лодок-драконов был выходным днём. Семья Чжан не принимала участие в конкурсе, но посмотреть на соревнования пришли все. Настя не хотела идти, она не любила суету и шум. Хотя раньше, до того, как произошла история с платьем мадам Харуко, она всегда находилась в первых рядах какое бы зрелище не предстояло смотреть. Но все проходит, теперь Си сторонилась любого скопления народа. Ее уговорила посмотреть на праздник Сюли. Поразмыслив и так, и этак Настя все-таки дала согласие, решив, что ей ничего не угрожает! Девочка забыла о своём росте. Праздник уже подходил к концу и люди, уставшие и довольные, начинали расходиться, когда Си почувствовала какое-то неудобство. Несколько раз ей казалось, что сзади, за шею, ее кто-то кусает. Девочка вся извертелась, Юйлун и Сюли осматривали шею, но укусов не было. Так повторялось не один раз. Несколько раз Анастасия порывалась уйти, но друзья уговаривали ещё чуть-чуть остаться. Юйлун первый почувствовал что-то не ладное.

– Госпожа Си, не нравится мне вон та группа мужчин! Один из группы держит какой-то листок, тычет в него и указывает на вас!

– Юйлун, – вмешалась Сюли, – ты что, не узнал мужчину с листком? Это же тот хунхуз, который приходит к отцу за данью раз в две недели!

– Нет, я его не узнал.

– Это потому что он в другой одежде и без шапки! Юйлун, мне кажется, что сестрёнке Си что-то угрожает! Придумай что-то!

– Они пока ни в чем не уверены, – задумчиво проговорил юноша, – и боятся предпринять какие-либо действия! Если нам надо на что-то решиться, то делать это надо сейчас!

– Юйлун, – встревожено зашептала Сюли, – думай быстрей! Они решились и продираются сквозь толпу! Они идут к нам!

– Нет, – вдруг вышла из ступора Си, – ничего не предпринимайте, пострадает вся семья! Я спрячусь у реки, там они меня не найдут! Вечером, если сможете, навестите меня!

– Си, – схватил, уже убегавшую девочку, Юйлун, – ты не сказала, где именно тебя искать. Река большая, и берега ее тянутся далеко!

– Яньлинь знает, я однажды водила ее на то место, там удобно спускаться к берегу, и вода тёплая для купания! Попросите Яньлинь, она отведёт вас!

– Беги, Си, – вдруг громко закричала Сюли и бросилась в ноги бандиту.

Си бежала. И опять, как два года назад, ей не к кому было обратиться за помощью. Впрочем, если бы и была такая возможность, девочка не воспользовалась бы ею. Слишком хорошо она знала, какая кара ждёт того, кто помог тем, кто неугоден хунхузам. Си боялась за Сюли и Юйлуна, однако надеялась, что хунхузы не будут связываться с господином Чжаном. Слишком большая прибыль шла им от этой семьи.

Река, к которой бежала Си, называлась Суйфун. У реки было ещё одно название, русское. И называлась река Раздольной. Последние метры девочка преодолела с трудом. Настя понимала, что привлекает внимание местных жителей, ей вполне уже можно было перейти с бега на ходьбу, но сделать ничего с собой не могла. Жители домов, проводив девочку взглядом, уходили в темноту комнат и прятались там на всякий случай. Они давно уже уяснили, если происходит что-то из ряда вон выходящее, значит рядом хунхузы. Однако девочка не обольщалась, она знала о том, что, если начнётся массовый опрос, то люди, которые видели, как девочка убегала, не моргнув глазом сразу же расскажут обо всем представителям краснобородых (хунхузам). Люди давно уже уяснили, что скрывать от бандитов правду смертельно опасно. Анастасия помнила ещё то время, когда хунхузы держали в страхе даже жителей Владивостока. Си была тогда совсем маленькой, но отлично помнила, какой ужас переполнял ее, когда при ней произносили слово хунхуз. Мама Насти до сих пор боится вернуться назад во Владивосток. Хунхузы считают, что ее мама владеет одной важной тайной, которую перед смертью ей открыл умирающий бандит. Мама оказалась нечаянным свидетелем перестрелки, и приняла последний вздох у смертельно раненного бандита.

Добежав до берега реки, Си согнулась в три погибели, пытаясь отдышаться. Июньская трава скрыла девочку от посторонних взоров. Прошло несколько часов. День клонился к закату. Настя напрягала все свои силенки, вслушиваясь в тишину, но вокруг было тихо. Ни друзей, ни врагов. Стало темнеть. Она вспомнила что в полдень, ещё до того, как они отправились на праздник, был накрыт праздничный обед, и Си впервые за полгода наелась досыта. Ее не смущал даже пристальный взгляд домоправительницы. Домоправительница была сестрой госпожи Чжан. По какой-то причине, взяв сестру жены в свой дом, господин Чжан не сделал ее второй женой или наложницей. Сестре была предложена роль домоправительницы. Неудовлетворённость и шаткое положение в семье заставляли Аймин, сестру Мейли, быть чрезмерно строгой со слугами. Ее бережливость переходила все границы. Однако Аймин считала, что живёт правильно. Она, Аймин, бережёт хозяйское добро. Женщина надеялась, что когда-нибудь господин Чжан поймёт, кто является хранительницей дома. Мейли – кривляка и истеричка, давно не обращала на домашнее хозяйство внимания. Она и на детей то собственных обращала внимание только тогда, когда кормила грудью. Как только дети отнимались от груди и получали второе имя, Мейли переставала обращать на них внимание. На праздничном обеде Аймин поедала Си глазами. Была бы ее воля, она бы уже давно, под каким-нибудь предлогом, удалила бы девочку из-за стола. Си ела очень мало, однако если бы кто-то из детей попытался указать на это обстоятельство тётке, Аймин бы не поверила. Если домоправительница успевала что-то вбить себе в голову, то переубедить ее было абсолютно невозможно. Иногда это не удавалось даже хозяину, господину Чжану. Аймин считала, что Настя растёт так быстро, потому что отъедается на хозяйских харчах. Однако дети, и вместе с ними Си, должны были слушаться только господина Чжана. Аймин уже несколько раз пыталась приравнять Анастасию к слугам, но обломала зубки. Ни Мейли, ни Аймин не имели права лезть туда, где делался бизнес семьи Чжан. Си работала очень хорошо, и этого было достаточно для того, чтобы быть защищённой от остервенелых женщин семьи Чжан.

Но вернёмся к берегу реки Суйфун, и к высокой девочке, почти девушке, испытывающей голод, тоску и страх. Праздничный обед был давно, а ужина, видимо не предвиделось.

Не было никаких звуков, не было никаких запахов, не было ничего. Мир уснул, маня за собой и девочку. Однако Настя знала, что на закате засыпать нельзя, так говорил папа. Конечно, тишина была не полной. В траве прыгала всякая зелёная мелочь, в воде плескались рыбы. В кронах деревьев тихонько гудел ветер. Однако все эти звуки девочка смогла услышать только тогда, когда успокоилось сердце, и шум в ушах перестал затмевать все звуки.

Стало прохладно, солнце заходило унося с собой тепло. Место, где лежала Си, погрузилось в тень. Девочка передвинулась ловя последние лучики солнца. Вдруг ей послышался какой-то шум.

Си повернулась к тому месту, откуда, предположительно, должны были прийти ее друзья. Однако шум доносился из другого места. Звуки доносились из глубины реки. Казалось, что там, в прозрачных глубинах, ворочается что-то большое и беспокойное. Си отошла подальше от берега. Впрочем, далеко уходить она побоялась, потому что друзья, по ее прикидкам, должны были вот-вот подойти. Найдя поваленное дерево, Анастасия села, так, чтобы видеть все вокруг и не пропустить тот момент, когда дети семейства Чжан, наконец, придут.

В голову лезла какая-то высоконаучная чепуха. Память тут же начала подсовывать целые страницы информации, вычитанные из Книги, но Си досадливо помотала головой. Сейчас ее больше интересовали дела земные. Настя вспомнила тот момент, когда дети семейства Чжан, наконец, перестали дичиться и даже начали называть девочку сестрой.

Юйлун отчаянно боялся. Послезавтра был учебный день. Настя утешала юношу как могла. Урок, который был задан, повторили много раз. Вспомнили и разобрали все, что было на предыдущем уроке, однако Юйлун все никак не мог успокоиться. Ему казалось, что он все забудет, лишь только грозный учитель взглянет на него из-под насупленных бровей.

Братья и сестры попытались вместе с Настей успокоить брата. Это был тот первый раз, когда дети признали право Си находиться вместе с ними.

Учитель пришёл на урок чем-то раздражённый. Первой его жертвой должен был стать Юйлун, но… не стал. Домашнее задание было выучено от корки до корки. Однако радости учителю это почему-то не добавило, наоборот, в глазах мужчины вспыхнул огонь злобы.

В комнате, которую отдали под занятия, повисла тишина. Юйлун стоял, не смея сесть на место, учитель мерил комнату шагами, похлопывая себя по бедру палкой для наказаний.

Смерив юношу уничтожающим взглядом, мужчина велел Юйлуну вывернуть карманы. Юноша повиновался. В карманах не было ничего. Заводясь все больше и больше, учитель стал задавать Юйлуну вопросы. Вопросы касались пройдённого на прошлом уроке. Юноша справился и с этим заданием. Однако мужчина распалился уже до такой степени, что его лицо покраснело, жилы вздулись, и на лбу выступили бисеринки пота.

Чуть подумав, учитель велел Юйлуну раздеться до нательного белья. Юноша чуть помедлил, но выполнил и этот приказ. Нагнувшись, учитель поднял одежду Юйлуна и брезгливо наморщившись, встряхнул. Не понятно уж, какой компромат пытался он найти в снятой одежде, но было видно, что настроение его упало ещё на несколько градусов. Хотя, казалось, что ему (настроению), уже ниже падать было некуда.

Юйлун стоял полураздетый и дрожал от скрытого гнева и унижения. В комнате опять повисла тишина. Вдруг раздался визг. Визг был такой силы, что дети закрыли уши.

– Как ты стоишь перед своим учителем? – орал, брызгая слюной и задыхаясь, мужчина, – Где твоё почтение? Где уважение?

Учитель начал бить Юйлуна. Бедный юноша не смел даже заслониться. После нескольких таких попыток, он понял, что учитель начинает ещё больше входить в раж, стоит ему (Юйлуну), сделать попытку как-то защититься!

Избиение продолжалось до того момента, пока в комнату не вошёл отец.

Дети увели избитого Юйлуна. Учителю был предложен чай, состоялась долгая беседа, были вручены подарки. Учителя заверили, что его метод воспитания является лучшим, и муж-

чина пошёл со двора. Был назначен следующий день занятий, но учитель больше не пришёл. Его разбил инсульт. Вскоре родные увезли его из посёлка Флагов.

Господин Чжан не стал выяснять у Юйлуна того, что случилось. Вместо этого он подозвал Яйлинь. Отец ещё не успел задать вопрос, а Яйлинь уже все рассказала. В ее устах все звучало так, как должно было быть в жизни. Добро – Юйлун, было на высоте, и, даже, выучило все-все, от корки до корки! Зло-учитель, было несправедливо и било Юйлуна палкой, хотя брат все-все рассказал, ни в чем не ошибся и не запнулся ни разу!

Отец похвалил любимицу за наблюдательность и подробный рассказ, и отправил к сёстрам. Вечером пришёл лекарь. Юйлун лежал, отвернувшись к стене. Раны тела были смазаны, забинтованы и где-то даже, зашиты, раны душевные лекарь лечить не стал. Это был не его профиль. Господин Чжан пришёл к сыну перед сном. Он не стал жалеть Юйлуна, а тем более расспрашивать о том, что произошло. Отец юноши был хорошим психологом, у него был дар понимать людей. Иначе не прожить бы ему, занимаясь таким опасным бизнесом, как контрабанда. На прощание отец лишь погладил сына. Однако и этого было достаточно, чтобы Юйлун понял, отец не сердится и понимает, что учитель поступил не справедливо.

Так как Анастасия была старшей из девочек, ей разрешили ухаживать за Юйлуном. Однако это не освобождало ее от работы. Нагрузка девочки увеличилась вдвое, ведь ей пришлось работать и за Юйлуна. В короткие, десятиминутные, перерывы, Си неслась в дом, чтобы навестить друга. Юйлун категорически отказался от помощи матери и тётки. Юноше было стыдно и больно. Отец подумал и согласился с тем, что навещать его будет лишь Анастасия. Господину Чжану казалось, что Юйлун выбрал Си, потому что она посторонняя. Девочка уговорила Юйлуна разрешить посещение и остальных детей. Братья с сёстрами были очень благодарны девочке – полукровке за такое поручительство.

Со стороны дороги послышался шум, девочка вздрогнула и затаилась, спрятавшись за дерево. Счастью ее не было придела, когда она увидела, кто пришёл. Яйлинь, важная и исполненная достоинства шагала впереди маленькой колонны. Здесь были все дети семьи Чжан. Пришли даже младшие мальчики.

– Си, – смущённо кашлянул Юйлун, – извини, что я привёл всех, это на тот случай, если понадобится что-то принести. Я могу быть занят, ты знаешь, какая сейчас нагрузка, а у младших все же работы меньше. И к тому же у них больше возможности ускользнуть незамеченными.

– Я так рада, что вы все пришли, – перебила друга Настя, – расскажите скорее, чем кончилась история с хунхузами? Они вас о чем-то спрашивали?

– Нет, – выступила вперёд Сюли, – мне кажется, что они нас не узнали.

– Мы всегда такие грязные, – ворвалась в разговор Яйлинь, – ну, тогда, когда эти коробки грузят, и мы помогаем! А сегодня в честь праздника, мне мама даже заколку свою воткнула в волосы! Вот они меня и не узнали, ну и остальных, конечно, тоже.

– Яйлинь, помолчи, – поморщился Юйлун, – у нас мало времени, отец велел, чтобы мы легли пораньше.

Завтра вставать в два часа утра. За грузом приедут рано. Отец ещё не знает обо всей этой истории.

– И что вы будете делать?

– Будем молчать. Распределим твою работу между старшими. Однако если отец спросит, придётся все рассказать. Или… Ты не хочешь, чтобы мы открыли правду отцу?

– Почему же, надо все рассказать! Может господин Чжан что-то посоветует! Хотя… Ну ладно, что будет, то и будет!

– А теперь давайте купаться! – закричала Сюли, бросаясь к воде, – Си, вода тёплая?

– Вода тёплая, но здесь купаться не надо!

– Почему? – удивилась Яйлинь, она уже стащила с ног башмачки и принялась стаскивать верхнюю одежду

– Ну… – Настя беспомощно посмотрела в сторону Юйлуна

Мальчик готов был помочь, но не мог взять в толк, почему же нельзя купаться, если есть время и вода тёплая.

– Там… – Анастасия лихорадочно думала, как отговорить детей от купания именно в этом месте, – там дно плохое, я поцарапалась, и ногу уколола. Давайте отойдём подальше, там лучше дно.

Пока младшие дети купались, старшие показали Си то, что принесли. Девочка поужинала. Вскоре возле берега реки опять стало тихо. Си осталась одна. Помимо еды, дети принесли вещи, которые могли понадобиться девочке для ночлега. На берег реки Суйфун опустился вечер.

Спала Настя тревожно. Прошли те времена, когда она спала на песке у моря и ничего не боялась. Тогда девочка не думала об опасности. Во Владивостоке, на Семёновском ковше, происходило всякое, бывало, что и убивали, но детей никто не трогал. В то время только одна мысль грела девочку: «Вот стащу, (выпрошу, поберу с песка) несколько рыбёшек, и будет у нас с отцом ужин, а может и на завтрак хватит! Но на завтрак обычно не хватало. Папа Си не любил себе в чем-то отказывать. Иногда он даже забывал, что девочке тоже надо кушать и съедал все сам. Когда Настя робко напоминала о том, что тоже голодна, он раздражённо вздыхал. Если добыча Анастасии состояла из трёх рыбин, то ей доставалось на ужин не больше полрыбёшки, и ту отец отдавал с таким сожалением, что у девочке кусок не лез в горло. Вспомнив отца, девочка пригорюнилась. Где-то ее папа? Неужели не вспоминает о своей брошенной дочке? У Насти не было на отца никакого зла. Она воспринимала отца, как большого ребёнка, которого надо кормить, поить и утешать. Девочка горевала только о том, что не сможет помочь отцу, если с ним случится какая-то беда! От отца мысли девочки плавно перешли на мать. Мысль, что мама где-то рядом, грела и помогала жить. Ах, если бы можно было пешком дойти до этого посёлка, как его там назвал в письме Павел, Хунчун. В посёлке Хунчун живёт мама. «Когда появится Павел, я попрошу его проводить меня до этого посёлка», – подумала Настя засыпая.

В четыре часа утра девочка открыла глаза. Резко вскочив, она ударилась о ствол дерева, который был навесом и крышей, всю эту долгую и влажную от росы, ночь. Насте показалось, что она проспала. Выскочив из-под навеса, она начала лихорадочно одеваться в мокрые от росы вещи, и вдруг все вспомнила. Она действительно проспала. Ее друзья работали уже два часа, но с сегодняшнего дня ее это уже не касалось. Спать больше не хотелось. Под навесом сидеть тоже не хотелось и Си пошла к берегу реки. Воды реки светились изнутри. Настя оглянулась. Лес стоял тёмный и неприветливый, а от воды шёл пар. Вода была матово-молочно-перламутровой, и Анастасия пошла к воде. Девочке было холодно и одиноко, и абсолютно все равно, что с ней будет дальше. Однако стоило ей достигнуть берега реки и вступить в воду, как свечение погасло. Через несколько секунд послышался сильный плеск, как будто по воде ударил хвост большой рыбы. Вода выплеснулась на берег. Настю качнуло назад, и она плюхнулась прямо на речные камни. «Ну вот, теперь одежда мокрая не только от росы, – с огорчением подумала девочка, – жаль, что мне не во что переодеться!»

Наконец встало солнце. Си еле дождалась этого момента. Чтобы не думать о солнце и тепле, девочка бродила по берегу реки и читала вслух стихи. Особенно ей нравилось, как звучат стихи на одном из мёртвых языков! Государство называлось Бутрамусс. Жители этого государства звали себя Бутрамуссы, или Муссы. Стихи надо было петь. Музыкальный лад, на котором пелись стихи, был не похож ни на один из ладов, существующих на земле. Если бы кто-то взялся наблюдать сейчас за девочкой, то наблюдатель был бы очень удивлён. Си шла по берегу и беззвучно открывала рот, но изо рта не доносилось ни звука. Беззвучная деклама-

ция продолжалась минут пять, потом Си наклонялась к водам реки, набирала полный рот воды, и продолжала декламацию. Становилось слышно, однако звук навевал жуть. Выплюнув воду, девочка продолжала читать стихи, но все так же, беззвучно. Дойдя до определённого места в стихотворении, Анастасия обвела лес задумчивым взглядом. Ей нужен был листик, сорванный с ветки. Однако дерево должно было быть низкорослым, тонким, и листья с этого дерева должны были просвечивать, если их поднести к свету. Наконец дерево было найдено. Выбрав самый маленький листок, девочка бережно поместила его во рту как мембрану, и снова начала декламировать! Не могу сказать, на что был похож звук издаваемый сквозь лист. Мне просто не с чем сравнить! Звук был очень красивым, но по-прежнему жутким. Декламация была закончена как раз к тому моменту, как встало солнце. Последние слова стихотворения были снова произнесены беззвучно, однако читались они как гимн солнцу. Бутрамусс, государство, в котором был очень сложный фонетический строй, но довольно простой государственный, погибло из-за неурожая. Деревья, которые должны были делиться своими листьями во время долгой декламации, побило градом. Листья были нежными и хрупкими. Град пронёсся по всей стране. Деревья были нужны не только как средство для чтения вслух. Листья употребляли в пищу, листьями лечились. Государство Бутрамуссы состояло из людей, которые питались только растительной пищей. Народ Муссы питался только листьями и плодами дерева Бутрамусс. Сейчас этих людей назвали бы вегетарианцами. Все это Си узнала из книги, которая находилась во Владивостоке, в катакомбах, недалеко от Семёновского ковша. На третьем подземном уровне. В тайном городе Чжурчжэней.

Гимн солнцу был пропет. Пропет на языке народа Бутрамуссы. Си доела остатки пищи. Сегодня был будний день, но Юйлун обещал, что возьмёт на себя нагрузку кого-то из детей. Кто-то один потихоньку уйдёт из подвала, чтобы отнести Насте ещё еды. Однако это, скорее всего, будет вечером. Что же, девочке было не привыкать, бывали времена, когда она ела один раз в два, три дня.

Становилось жарко. Си вошла по колено в воду. Ей хотелось опять очутиться в помещении со ступками, жерновами и книгами. Анастасия была заинтригована, ей никак не удавалось проследить взаимосвязь между книгами и остальными предметами. Однако огромный зал, находящийся под впадиной Баоань, не желал сегодня открывать свои тайны перед девочкой. Настя смотрела в воду долго-долго, пока не заболели глаза. Ничего не менялось. Лишь рыбёшки подплывали поближе к ногам и удивлённо замирали, не понимая, откуда вдруг взялись эти колонны. Стоило девочке пошевелится, как рыбки прыскали в разные стороны. Река и лес жили своей повседневной жизнью, тайны прошлого не интересовали обитателей реки и леса. Каждый из них был занят самой главной задачей в жизни – выживанием! Затрещали ветки, девочка дёрнулась чтобы убежать, но от неожиданности запнулась за корягу и упала в воду. К счастью, река была не глубокой. Здесь, у берега можно было купаться без опаски, а вот если зайти в воду чуть глубже, течение могло запросто унести, а ещё были водовороты и ямы.

– Я здесь место приметил, – Си услышала голос мужчины, и говорил мужчина по-русски, – рыбалка будет отличной!

– А что, – в разговор вступила женщина, – поближе места не нашлось? Я уж думала, что ты решил таким образом добраться до Никольска – Уссурийского!

– Все шутишь? – хохотнул мужчина, – сама же просила увести тебя куда-нибудь подальше от посёлка!

– Но не так же далеко!

– Ладно, – снова засмеялся мужчина, – в следующий раз найду местечко поближе! Хотя… Ну чем тебе здесь не нравится? Твой муж нас точно здесь не найдёт!

– Не надо о муже… Ой, – женщина взвизгнула, – сними его с меня, сними!

– Ну вот, – огорчился мужчина, – всех рыб перепугала! Разве же можно так бояться? Это же был лесной паучок! Ты разорвала его паутину!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.